

УДК 343.72;616.89

ХАРАКТЕР ПСИХОТРАВМЫ ПОСТРАДАВШИХ ОТ МОШЕННИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Данилов С.И.

ФГБОУ ВО Тверской ГМУ Минздрава России, г. Тверь, Россия

THE NATURE OF THE PSYCHOLOGICAL TRAUMA OF VICTIMS OF FRAUDULENT CRIMES

Danilov S.I.

Tver State Medical University, Tver, Russia

Аннотация. Статья посвящена проблеме виктимизации населения в сфере мошенничества в финансовой сфере с использованием современных информационно-коммуникационных технологий, криминальным психотехнологиям провокации измененных состояний сознания у жертв киберпреступлений, характеру психотравмы и посттравматических стрессовых расстройств у жертв современного кибермошенничества.

Abstract: The article is devoted to the problem of victimization of the population in the field of financial fraud using modern information and communication technologies, criminal psychotechnologies of provocation of altered states of consciousness in victims of cybercrime, the nature of psychotrauma and post-traumatic stress disorders in victims of modern cyberbullying.

Ключевые слова: виктимность, киберпреступность, современное мошенничество, криминальные психотехнологии, провокация измененных состояний сознания, *психологическая травма*, посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР), травматический стрессор, *экзистенциальный кризис*, нарративный подход к психологическим исследованиям.

Key words: victimization, cybercrime, modern fraud, criminal psychotechnologies, provocation of altered states of consciousness, psychological trauma, post-traumatic stress disorder (PTSD), traumatic stressor, existential crisis, narrative approach to psychological research.

Актуальность и состояние разработанности проблемы

Ежегодное увеличение количества преступлений, совершаемых дистанционно с помощью сотовой связи, интернета и других информационно-телекоммуникационных технологий в целом по России свидетельствует о возрастающей предрасположенности населения к воздействию интеллектуальной и технически хорошо оснащённой современной организованной киберпреступности: более трети преступлений совершается сегодня с использованием информационно-телекоммуникационных технологий; в январе-сентябре 2024 года таких деяний зарегистрировано на 15,3% больше, чем в аналогичный период прошлого года [9].

Перед психологами встает задача объяснения и профилактики растущей массовой виктимности населения перед лицом дистанционных хищений, мошеннических киберпреступлений. Криминально уязвимыми оказались не только люди в возрасте, с недостаточным уровнем финансовой и правовой грамотности, но и успешные бизнесмены, госслужащие, люди с высоким уровнем образования, работники банков, правоохранительных органов, политики, ученые, известные деятели культуры и т.п. [28].

Другая задача связана с уточнением специфики психотравмы и ПТСР у жертв мошеннических преступлений с целью разработки и внедрения эффективных методов практической психологической помощи пострадавшим.

Исследованию психотравмы посвящены многочисленные труды отечественных и зарубежных исследователей [8; 11; 16; 19; 20; 21]. Однако А.Г. Караяни обращает внимание на то, что в настоящее время не существует единства научно-психологического понимания психотравмы [8, с. 23]. В этой связи раскрываемые в настоящей статье аспекты проблемы психотравмы от кибермошенничества с использованием криминальных психотехнологий приобретают особую актуальность.

Метод исследования

Существуют группы людей, переживших психотравму, относительно доступные для проведения эмпирического психологического исследования: это военнослужащие, онкобольные, жители поселков и городов, пережившие природные стихийные бедствия, беженцы и т.п. Однако эмпирическое изучение последствий психотравмы, ПТСР у пострадавших от мошеннических действий крайне затруднено в виду диффузного характера их распространения среди населения, закрытости информации правоохранительных органов о персональных данных потерпевших и несогласия многих участвовать в исследованиях. Исследования индуцированных киберпреступниками измененных состояний сознания у потерпевших еще более затруднительны, ибо, как писал К.Ясперс, «психическая жизнь, протекающая в условиях крайне помраченного сознания, вообще говоря, недоступна (или почти недоступна) феноменологическому исследованию» [29, с. 178]. Да и исследования эти могут быть только ретроспективными, что не может не сказываться на качестве и научной верифицируемости результатов.

Выход нам видится в поиск доступных для исследования рассказов потерпевших и метод нарративного анализа, активно развиваемый в зарубежной и отечественной психологии [10; 14; 22; 23].

В рамках нарративного подхода в психологии нарратив представляется формой ретроспективного переживания, структурирования и упорядочивания личностного опыта, через который становится очевидна реальность жизненных событий [22, с. 83].

В нашем понимании, нарратив – это своего рода, самоизложение личностью своих переживаний/состояний и их автоинтерпретация. В нарративе пациент предстает интегрированным во «временную развертку» события и своего переживания, дает самообъяснение и самообоснование своих чувств и поступков.

Можно предположить, что ПТСР у лиц, подвергшихся кибермошенничеству с провокацией ИСС, принципиально отличаются от ПТСР, являющихся следствием других стрессоров.

Материалы и обсуждение

Актуальность и масштабы проблемы кибермошенничества — причина значительного роста научных публикаций на темы: дистанционных хищений [3; 4; 17]; мошенничества в социальных сетях [27]; преступлений в условиях цифрового общества [15].

Виктимологический аспект мошенничества — предмет особого внимания в виду существенной виктимизации общества в отношении кибермошенничества [12; 13; 25].

Термин виктимология произведен путем слияния латинского слова *victima* (жертва) и греческого *logos* (учение). Понятие виктимности ввел в научный оборот Л. Франк: «Виктимность определенного лица есть... способность стать при определенных обстоятельствах жертвой преступления, или, другими словами, неспособность избежать опасности там, где она объективно была предотвратима» [24, с. 22].

Однако в настоящее время виктимность понимается не только как особая личностная характеристика жертвы преступления, т.е. не только как ее специфические морально — психологические черты, но и как ее социальная характеристика, т.е. социальное положение, место в производственных, бытовых, семейных, досуговых и иных межличностных отношениях, ее социальный статус или социальная роль, повышающие вероятность совершения в отношении этой личности преступного посягательства [28].

Для различных типов преступлений существуют свои «виктимные группы» [5, с. 241].

Существует зависимость виктимности от личностных особенностей. Совсем недавно считалось, что применительно к мошенничеству виктимность связывалась с нервно-психологической неустойчивостью, возрастными особенностями пожилых людей, недостаточной финансовой и юридической грамотностью, одиночеством и социальной незащищенностью. Именно такие люди составляли виктимную группу для мошеннических преступлений.

Однако К.В. Вишневецкий предлагает под виктимностью понимать всю совокупность общественных, социально-экономических, демографических и прочих характеристик населения в целом и его отдельных социальных групп, свидетельствующих об их повышенном риске и возможности стать жертвой преступления. Речь, таким образом, идет о виктимности социума [2].

Такой подход к виктимности позволяет утверждать, что фактором виктимизации по мошенническим преступлениям является в том числе и общий социально-психологический фон —

отмечаемая в последнее время массовая невротизация населения многочисленными и регулярными сообщениями о телефонном и схожем с ним мошенничестве, в том числе и постоянной социальной рекламой на телевидении и в радиовещании при несопоставимо малой информации о разоблачении и наказании злоумышленников и возвращении похищенных у граждан средств.

На этом фоне повышенной тревожности, неуверенности гражданина в своей защищенности, с одной стороны, и невольно возникающих представлений о «всемогуществе» киберпреступности — с другой, люди становятся особенно уязвимыми: звонки злоумышленников, к примеру, под видом правоохранительных органов о якобы оформленных незнакомыми лицами на имя человека кредитах, пособничестве террористам и открытом в его отношении уголовном производстве способны вызвать настоящий психологический шок, сопровождаемый естественным для психологического стресса сужением сознания.

Все подобного рода истории многократно описаны, изложены и озвучены жертвами преступлений в печатных и электронных СМИ, социальных сетях, комментариях к криминальным новостям в интернете, в беседах с людьми сотрудников банков и правоохранительных органов.

Однако современное телефонное и кибермошенничество отличается тем, что для надежности и результативности дистанционных хищений они предусматривают криминальные психотехнологии — специальные и целенаправленные методы провокации у жертвы ИСС. Под провокацией мы понимаем вид психологической манипуляции, осуществляемой в интересах провокатора с целью побуждения человека к определенным действиям, влекущим для действующего лица негативные последствия; действие, приводящее к аномальному (измененному) состоянию. Провокация ИСС позволяет преступникам, по сути, завладеть личностью человека и похитить денежные средства и недвижимость в размерах, порой, превышающих личную собственность гражданина за счет понуждения его брать дополнительные кредиты и займы.

ИСС характеризуются существенной деформацией или утратой свойств сознания, которые отождествляются с нормой сознания: утратой гештальтности и сужением сознания, фрагментарностью восприятия, потерей границы реального/воображаемого, утратой критичности, адекватного самосознания и самоконтроля, потерей воли и нервно-психологической устойчивости.

Подобного рода ИСС описаны в классической литературе по психиатрии [29], и нарративы современных жертв киберпреступлений соответствуют этим описаниям.

Жертвы преступлений признаются, что первые же контакты со злоумышленниками по телефону или интернету вызвали замешательство, страх, психологический стресс. Жертву, как правило, перегружают информацией, которую трудно «связать в один узелок». На нее обрушивают массу сведений «с доказательствами» о том, что в его «деле» сходятся и измена сослуживцев, «выдавших» злоумышленникам за деньги его персональные данные, и «факты» оформления кредитов на имя жертвы, и преступность работников банковской сферы, которые содействуют оформлению этих кредитов ради финансирования терроризма, и «заведение» уголовных дел о переводе денег криминальным лицам, и о том, что собственность жертвы выставлена на продажу... Сообщается и об усилиях органов госбезопасности, стремящихся выявить преступников и изменников, привлекая для этого честных и сознательных граждан.

В этот период происходит не просто сужение сознания, которое ведет к неспособности понять реальность, но и разрушение целостности сознания, его «фрагментация», разрушения его «гештальтности», способности усматривать взаимосвязи между известными фактами и новыми сведениями, отдельными высказываниями и поступками и критически анализировать ситуацию.

Решающий шаг криминального психотехнологического акта погружения жертвы в измененное состояния сознания связан с тем, что жертву начинают «вести» несколько человек, передавая от одного «специалиста» к другому: каждый «специалист» инструктирует, заставляя многократно повторять услышанное (алгоритм действий, легенду, ответы на возможные вопросы). Общие инструктажи дополняются специальными, предваряющими, к примеру, посещение банка с целью взять кредит, разговор с работником службы безопасности банка, снятие и переводы денег и т.п. Многократное повторение инструкций злоумышленниками — существенная часть технологии погружения жертвы в разговорный транс. Другая ее часть — многократное повторение услышанной информации уже самой жертвой, якобы, ради «правильного» ее понимания. В сознании жертвы против его воли формируются установки, под воздействием которых дальнейшие команды

злоумышленников не вызывают сомнений и беспрекословно выполняются. Он не может уже ни о чем думать, внимание поглощено только возникшей проблемой и людьми, к ней причастными, возникает одержимость — разрешить проблему любой ценой и освободиться от настигшего его «кошмара».

У жертвы возникает трансовое ИСС, которое сродни гипнозу — трансу «с открытыми глазами». Успешность реализации преступниками мошеннических схем связана в значительной степени с подобными ИСС, которые Ясперс называет «сумеречным существованием» [29, с. 272]. Действия человека под руководством мошенника совершаются не в состоянии ясного, а в состоянии измененного — то есть помраченного сознания.

Очевидно, что провокация ИСС есть насильственное преступление против личности, поскольку вызывает потерю грани реальное/вымышленное (в пределе — появление галлюцинаций), разрушение целостности сознания. К. Ясперс пишет: «Психическая жизнь, так сказать, распадается, и отдельные переживания происходят вне связи друг с другом. Остаются только единичные, изолированные акты; сознание оказывается совершенно раздробленным. Содержание сознания становится в высшей степени противоречивым (например, возникают быстро меняющиеся и не согласующиеся друг с другом бредовые идеи)» [29, с. 186]. Результатом провокации ИСС или насилия над личностью является то, что, несмотря на якобы сохраняющийся нормальный вид, человек утрачивает свою личность, действующую чуждым для нее образом: «Известны длящиеся от нескольких минут до нескольких часов состояния, при которых сознание бывает расстроено настолько глубоко, что человек вращается в кругу идей, казалось бы, совершенно оторванных от его нормы. На основании этих идей, равно как и связанных с ними чувств и желаний, осуществляются действия, абсолютно чуждые обычному содержанию его мыслей и не связанные с ними. При этом способность действовать последовательно и до известной степени логично не исчезает».

Сумеречное состояние характеризуется «измененным сознанием» без явных проявлений помрачения и оглушения. Однако и в них человек может демонстрировать дезориентировку, бессмысленные и даже неожиданные, странные, бессвязные, а иногда и насильственные действия (вплоть до самовредительства), что делает поведение такого человека опасным. Такие состояния именуются Ясперсом как «истерическими» [29, с. 476], «гипноидными состояниями», «грезами наяву» [29, с. 491].

Провокация ИСС (сумеречного существования) ведет к тому, что у индивида появляются: (1) отрешенность от реального внешнего мира: жертвы едва понимают происходящее вокруг них, не могут сосредоточить свое внимание и действуют невзирая на ситуацию; (2) дезориентированность: она тесно связана с первым признаком; (3) утрата связности, делающая поведение непонятным; (4) расстройство способности примечать и запоминать наряду с затрудненным мышлением, а впоследствии — амнезией [29, с. 272].

О том, что мошеннические действия все чаще сопровождаются с использованием психотехнологий погружения человека в ИСС, говорят многие жертвы преступлений.

«Я сейчас понимаю, что это бред, но в тот момент... Видимо, мошенники — ребята профессиональные, неглупые... Дальше как в тумане. Я свои кредитные деньги перевела на чужие счета. Что было у меня в голове в тот момент?!», — признается Анна из Ростовской области [6]. «Как замороженная слушала и выполняла всё, что он (мошенник) говорил», — пишет пострадавшая Наталья [там же].

«... Не думала, что это случится со мной. Какое-то зомбирование», — негодует Светлана [там же].

ПТСР от мошеннических преступлений с провокацией ИСС трудно свести к одной формуле. Признания жертв говорят о психологической инвалидации личности в результате киберпреступлений с использованием ИСС: «Я потерял не только деньги, я потерял себя», — горькое признание одного из пострадавших [7].

Однако, на наш взгляд, все-таки можно говорить о специфических особенностях психотравмы у жертв современных кибермошенников.

Одна из них связана с сильным травмирующим личностное чувство вины, скорее всего, нехарактерном для пострадавшего от стихийных бедствий, разбоя, заболевания, ранения и т.п.

Во-первых, в современных схемах мошенничества с использованием психо- и информационно-коммуникационных технологий пострадавший зачастую является соучастником реализации преступного замысла, что ставит его в совершенно другое положение относительно жертвы кражи, разбоя, насилия или катастрофы. ПТСР от преступлений мошеннического характера сопровождаются тягостным осознанием и чувством собственной вины от совершенного «собственными» руками, по «собственной» воле.

Во-вторых, эта вина не только перед собой самим: утраты приводят к ухудшению материального положения целой семьи, человек испытывает угрызения совести от того, что он «обокрал» своих близких или «оказывается банкротом».

В-третьих, пострадавший не уверен в сочувственном и участливом отношении к нему со стороны общества. В материалах многочисленных ток-шоу на эту тему в электронных СМИ зачастую явно прослеживается обвинительный уклон: «разве вас не предупреждали?», «что ж вы такие глупые!», «на ваши деньги вооружаются наши враги»... Поэтому ПТСР связано со страхом общественной огласки, осуждения «общественности», потери уважения коллег.

Вина и страх сопровождаются самоуничижением: «другие не поддались на преступные действия мошенников, а вот меня одурачили/запугали, заставили поверить, — это доказательство того, что я — самый слабый, самый глупый, самый никчемный, то, что случилось со мной — «позор».

Человек, считавший себя образованным, рассудительным, самостоятельным, обладающим житейской мудростью и жизненным опытом, вдруг оказывается перед доказательством своей несостоятельности, наносящей удар по базовым элементам в структуре личности: идентичности, самоприятию, самоуважению, самооправданности и самоэффективности; утрачивается доверие к себе и своим решениям, возникает неверие в свои силы, невротичное отношение к современным средствам коммуникации.

Можно предположить, что глубина и продолжительность переживания психологической травмы зависит от типа величины ущерба, немаловажную роль здесь играют и личностные особенности пострадавшего.

В результате преступных действий разрушается привычный создававшийся годами быт, стиль жизни. Однако самым болезненным является изменения в базовых элементах личности пострадавшего. Многочисленные публикации говорят о том, что здесь мы имеем дело с пролонгированным посттравматическим стрессовым расстройством, затрагивающим личность в целом. Чувство опустошенности и смыслоутрата ведут к прекращению жизненного проекта, присутствующего в жизни всякой психологически здоровой личности. В этой ситуации восстановление самоприятия и достоинства личности, преодоление смыслоутраты — главная задача экзистенциально-волевой терапии, ибо травма содержит потенциал рождения нового экзистенциального смысла и нового жизненного проекта [11].

Провокации ИСС при совершении киберпреступлений требуют изменение оценки виктимологических характеристик группы потерпевших от мошеннических действий и правовой оценки мошеннических преступлений, ибо они фактически совершаются насильственным путем [1, с.60-62; 26].

Выводы и заключение

1. Когда речь идет о современном кибермошенничестве, понятие виктимной группы практически утрачивает свой смысл в связи с массовой виктимизацией населения.

Кибермошенничество с провокацией ИСС (использованием психотехнологий гипноза, доведения человека до транса и т.п.) не может рассматриваться как ненасильственное преступление: такое мошенничество следует квалифицировать как насильственное преступление, преступление при отягчающих обстоятельствах с посягательством на психическое здоровье личности — насилие над личностью. Фактически, кибермошенничество с провокацией ИСС есть дистанционный разбой.

2. Провокация ИСС при кибермошенничестве приводит к предельной невротизации личности, доводимой до психологического стресса, рассеянности внимания, крайнему сужению сознания и утрате критичности восприятия, спутанности в мыслях и фрагментации сознания (утраты им своей целостности в восприятии ситуации, информации и действий злоумышленников,

неспособности связать/сопоставить разрозненные сведения, факты, действия), утрате самоконтроля и потери субъектности (воли), общего помрачения сознания, тотальной похожей на сон растерянности, доходящей до оцепенения.

При кибермошенничестве с провокацией ИСС специфичным является не только комплекс стрессоров, но и психотравма, ПТСР. В психотравме от кибермошенничества с провокацией ИСС сильно проявляется гипертрофированное чувство вины, утрата таких экзистенциалов, как самопринятие, доверие к себе, самоэффективность, чувство собственного достоинства, идентичность. По сути мы имеем дело с насильственно спровоцированным экзистенциальным кризисом, тяжело переживаемым в интегральном чувстве самоутраты — потери личностью самой себя, длительному ощущению опустошенности. С другой стороны психотравма от кибермошенничества с провокацией ИСС ведет к потере доверия к окружающим, самозамыканию, неверию в сочувствие, понимание и защиту со стороны общества, депрессии, потере интереса к жизни, желание скрыться от людей, перманентный страх вновь стать жертвой преступления.

3. Психотерапия и психокоррекция психотравмы от кибермошенничества с провокацией ИСС должна исходить из необходимости восстановления комплекса базовых экзистенциалов личности, а не отдельных ее нервно-психологических характеристик.

Очевидно, что работа не может считаться завершенной и служит лишь лучшему осознанию направлений дальнейшего исследования проблемы.

Литература

1. Бархатова Е.Н. Особенности квалификации преступлений против собственности, совершаемых с применением гипноза к потерпевшему // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2013. №3 (54). - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-kvalifikatsii-prestupleniy-protiv-sobstvennosti-sovershaemyh-s-primeneniem-gipnoza-k-poterpevshemu> (дата обращения: 23.10.2024).
2. Вишневецкий К.В. Криминальная виктимология: социальный аспект // Юрист. 2006. № 5.
3. Евтушенко И.И. Актуальные направления виктимологической профилактики дистанционных хищений // Виктимология. 2022. Т. 9, № 1. С. 90-98.
4. Евтушенко И.И., Венедиктов А.А. Дистанционные хищения: понятие и признаки // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. №12-2. С.65–67.
5. Емельянов И.Л. Виктимность и виктимизация: понятие, виды, проблемы профилактики // Известия АлтГУ. 2013. №2 (78). С. 241. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/viktimnost-i-viktimizatsiya-ponyatie-vidy-problemy-profilaktiki> (дата обращения: 02.11.2024).
6. Как мошенники заставят вас отдать деньги — истории трех ростовчанок –
7. 16 августа 2022 - 161.ru. - <https://161.ru/text/criminal/2022/08/16/71562290/?ysclid=m31kjfwq33342850873> (дата обращения: 02.11.2024).
8. Как пережить мошенничество - <https://www.miloserdie.ru/article/ya-poteryal-ne-tolko-dengi-ya-poteryal-sebya-kak-perezhit-moshennichestvo/?ysclid=m31m0p6oph715691226> (дата обращения: 02.11.2024).
9. Караяни А.Г. Боевая психологическая травма – ранение души и тела // Российский военно-психологический журнал. 2024. № 3(5). С. 22-32.
10. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации январь–сентябрь 2024 года // Официальный сайт МВД РФ/ [Статистические сведения о состоянии преступности в январе-сентябре 2024 года](https://xn--b1aew.xn--p1ai/news/item/56670487) - <https://xn--b1aew.xn--p1ai/news/item/56670487> (дата обращения: 20.10.2024).
11. Кутковая Е.С. Нарратив в исследовании идентичности // Национальный психологический журнал. 2014. №4(16). С. 23–33.
12. Лэнгле А. Травма и Смысл. Против утраты человеческого достоинства URL: www.psyhelp.mylife.ru/library/item/47-a-lengle-travma-i-smysl.html Дата обращения: (25.10.2024).

13. Майоров А. В., Яременко Н. Е. Виктимологический аспект мошенничества // Виктимология. 2019. №3. С.36–41. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/viktimologicheskiiy-aspekt-moshennichestva> (дата обращения: 23.10.2024).
14. Москальков А.В. Виктимологическая характеристика кибермошенничества // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2024;14(2):107-118. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-2-107-118> (дата обращения: 02.10.2024).
15. Обухов А.С., Чурилова Е.Е. Современные подходы к исследованию личности через нарративные тексты // Преподаватель XXI век. 2009. №4-1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennyye-podhody-k-issledovaniyu-lichnosti-cherez-narrativnyye-teksty> (дата обращения: 02.11.2024);
16. Осипенко А.Л., Соловьев В.С. Основные направления развития криминологической науки и практики предупреждения преступлений в условиях цифровизации общества // Всероссийский криминологический журнал. 2021. Т.15, №6. С.681–691. DOI: 10.17150/2500-4255.2021.15(6).681–691.
17. Падун М.А., Котельникова А.В. Психическая травма и картина мира: Теория, эмпирия, практика. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. – 206 с. (Перспективы психологии) ISBN 978-5-9270-0231-3
18. Полстовалов О.В., Галяутдинов Р.Р. Организованные формы онлайн-мошенничества: виды, содержание и элементы криминалистической характеристики // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 4. С. 205–211. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-4-205-211>.
19. Полубинский В.И. Жертва в контексте виктимологических исследований // Научный портал МВД России. 2008. № 2. С. 60-64.
20. Посттравматическое стрессовое расстройство: Клинические рекомендации / Минздрав России. 2023. – URL: https://cr.minzdrav.gov.ru/recomend/753_1?ysclid=m31g2lrbl462582157 (дата обращения: 23.10.2024).
21. Радченко А.М., Садовникова Н.О. Психологическая травма: ретроспективный анализ проблемы // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2024. – № 06 (июнь). – URL: <http://e-koncept.ru/2024/242011.html> (дата обращения: 23.10.2024).
22. Решетников М.М. Психическая травма СПб.: Восточно-европейский институт психоанализа, 2006 – 322 с.
23. Салиева Л.К. Нарративный анализ. История и современность. Сферы приложения // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Познание». 2020. № 11. с.83.
24. Трубина Е. Г. Нарратология: основы, проблемы, перспективы. URL: http://www2.usu.ru/soc_phil/rus/courses/narratology.html (дата обращения: 23.10.2024).
25. Франк Л. В. Виктимология и виктимность. — М., 1975.
26. Хоменко А.Н. К вопросу о виктимизации жертв киберпреступлений // Виктимология. 2021. Т.8, №2. С.143–148.
27. Шабалин Л.И. Можно ли относить к мошенническим действия по завладению имуществом с применением гипноза? // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2018. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mozhno-li-otnosit-k-moshennicheskim-deystviya-po-zavladeniyu-imuschestvom-s-primeneniem-gipnoza> (дата обращения: 23.10.2024).
28. Шут О. А. Мошенничество в социальных сетях и способы его осуществления // Вестник ОмГУ. Серия. Право. 2020. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/moshennichestvo-v-sotsialnyh-setyah-i-sposoby-ego-osuschestvleniya> (дата обращения: 23.10.2024).
29. Юрова К. И., Юров И. А. Психологическая профилактика виктимного поведения молодежи // Государство и право в XXI веке. 2017. №1. С.50. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskaya-profilaktika-viktimnogo-povedeniya-molodezhi> (дата обращения: 02.11.2024).
30. Ясперс К. Общая психопатология / Карл Ясперс ; пер. с нем. Л. О. Акопяна. — М. : КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2020. — 1056 с. ISBN 978-5-389-15269-4.